

ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ В РАССКАЗЕ В. Я. ШИШКОВА «КОЛДОВСКОЙ ЦВЕТОК»

И. Л. Ефремова

Тверской государственный университет, г. Тверь

Статья посвящена духовным проблемам в рассказе В. Я. Шишкова «Колдовской цветок». Чудесные явления, ставшие главной темой произведения, рассматриваются в русле православного мирозерцания, которым обладал автор. Внутреннее состояние главного героя, стремящегося овладеть сверхъестественным, интерпретируется не как проявление нравственного восхождения, а как следствие гордости и самообмана, сам же необычный цветок – как ложное чудо, не дающее благодати.

Ключевые слова: Вячеслав Яковлевич Шишков, рассказ, православное мировоззрение, чудо, обожение, прельщение.

Рассказ Вячеслава Шишкова «Колдовской цветок» был написан в 1915 году. В этом же году он был опубликован в восьмом номере журнала «Отечество». Вскоре он вошёл в первый сборник ранних произведений Шишкова «Сибирский сказ». Этот сборник получил высокую оценку со стороны критики. Были отмечены «свежесть языка и чувства», жизнеподобие, индивидуальный стиль. Например, в журнале «Летопись» произведения, вошедшие в этот сборник, противопоставлялись «бесцветной и бескровной... публицистике» [3, с. 570] того времени.

А в 1917 году в журнале «Современный мир» рецензент писал: «Рассказ "Колдовской цветок" может похвастать поэтическими страницами... Красив образ отца... затосковавшего по чудесному, бросившего семью и погибшего в поисках колдовского цветка, с которым можно и под водой пройти и по небушку порхать...» [Там же, с. 570–571].

Справедливо утверждение о мастерстве писателя, однако нельзя согласиться с тем, как рецензент интерпретирует душевный облик героя рассказа – Терентия. Здесь необходимо учесть мировоззренческую позицию автора, его пафос. Вряд ли писатель согласился бы с тем, что Терентий «вырастает в большой и светлый образ», что этот образ действительно красив духовно.

© Ефремова И. Л., 2024

Идейно-художественный смысл рассказа гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд и чем впоследствии сформулировала его литературная критика советской атеистической эпохи. В рассказе заметен библейский подтекст и иконическая символика, в нем важны чувства и размышления рассказчика, почти совпадающего с автором, исповедующим православное мировоззрение.

Затекстно, не высказываясь напрямую, автор пытается ответить на вопросы: что такое чудо? каково его происхождение? всякое ли чудо от Бога? как человеку относиться к необъяснимому, мистическому?

В основу композиции произведения положен рамочный принцип – здесь два рассказчика: внешний, по сути, сам автор; и рассказчик-персонаж, дедушка Изот. Изот и повествует о своем отце Терентии и о чуде.

Как толкуется в библейских словарях, чудо – это сверхъестественное событие, действие, явление, не поддающееся рациональному, логическому, научному объяснению [2].

Однако чудеса бывают разного порядка. Они различны по своей природе, по своему происхождению, по назначению. Чудесные явления бывают темные, бесовские, от дьявола, губительные для души человеческой. Бывают же светлые, божественные, благотворно воздействующие на душу. Бывают промыслительные, знаковые, пророческие, упреждающие – таковыми могут быть и тёмные, и светлые. Тёмные – с попущения Бога.

В центре рассказа Шишкова – чудесное явление, колдовской цветок, с которым человек может покорять силы стихии. Этим явлением и был очарован Терентий. Увидев, как обладательница цветка – необычайной красоты женщина – прошла значительное расстояние по дну реки и вышла из воды в сухой одежде, Терентий потерял покой – сам захотел завладеть чудом. Он дважды уходил из дома на поиски цветка, и второй раз стал роковым.

Казалось бы, благородно желание – открывать, познавать непознанное, властвовать над природой. Ведь хорошо, когда человек не останавливается на достигнутом, когда стремится к идеалу, а достигнув его, тут же разуверяется в нем – и движется к новому идеалу, полный вдохновения. «Ты слыхал, говорит, сказку, как Иван, царский сын золотых кудрей, на колдовском коне за тридевять земель ездил, али про жар-птицу, али про ковер-самолет?..» [Там же, с. 355].

Однако колдовской цветок не порождает ни добра, ни радости, ни оптимизма. Само чудо – путешествие под водой – представлено как фокус в цирке. Цель его – поразить людей, удовлетворить их любопытство, страсть к зрелищам. Это чудо не приносит блага, не лечит душу, не умудряет. Наоборот, оно затуманивает рассудок, ожесточает сердце.

Как признают богословы, подобное соединяется с подобным. Терентий был духовно нездоров ещё до увиденного им чудесного явления.

Ему было скучно, его душой овладела тоска. Дедушка Изот рассказывает о его состоянии как о болезни: «Сядет, бывало, тятя у окошка, подшибется рукой, да и сидит, как статуя, молча... “Тоскливо мне... Тоска... Понимаешь, тоска...” – а у самого слезы» [Там же, с. 351].

Он охладил к семье, к дому, к работе. Страсть уныния породила другие страсти – равнодушие к ближним, озлобленность, необузданную, чрезмерную тягу увидеть невиданное, то есть «зрелище». А то, что сверх меры, как утверждают святые отцы, то от дьявола. Терентий и ушел из дома за таким, поражающим взор чудом – и увидел: женщину с удивительными, разящими, как стрелы, глазами, связанного разбойника, который мог высвободиться из-под любых замков, убежать из любого острога, и цветок. Но после увиденного стало Терентию не легче, а еще тяжелее. «И с этого самого времени родитель мой, покойна головушка, в отделку загрустил, окончательно умом тряхнулся. Самое лето наступило, пора сенокосная, тут только давай, давай... А он как-то утречком: “Ну, прощай, баба... прощай, сынок... А я пойду...” – “Куда ты, что ты?” – “Пойду счастье пытаться”. – “Очнись, одумайся”. – А он свое. Так, братец ты мой, и скрылся. Плакали мы с мамынькой, плакали: как быть, куда деваться?» [Там же, с. 354].

Главная же страсть, которая поработила душу Терентия и, вероятно, стала причиной остальных грехов, – это его самомнение, гордыня. Цветок ему нужен был, чтобы потешить свое «я». В его объяснениях, что бы он стал делать с цветком, и преобладает это местоимение: «“Да кабы мне такой цветок колдовской найти... Ха! Да я бы сквозь все земли прошел, я бы всё небушко надзвездное вольной птахой выпорхал... Ух ты, Господи!...” Обнял это он меня, да таково ли страшно задышал... Я уставился на него, а у него слезы так ручьем и хлещут» [Там же, с. 355]. Его «я» оказалось выше всего – людей, мира, самого Бога. А к Богу и к молитве он и не обращался: им овладело состояние самообмана, которое в православии определяется как состояние прелести. Выбраться из этого состояния Терентий так и не смог.

Следовательно, цветок в рассказе Шишкова – «чудо» ложное, не божественное. Не случайно в толпе женщину-красавицу назвали дьяволом, а по признанию Терентия, все «осатанели» от увиденного. От подобных чудес, ссылаясь на учения святых отцов, предостерегал в своих работах святитель Игнатий Брянчанинов: «Христианские аскетические наставники заповедуют не обращать внимание на все вообще явления, представляющиеся чувствам душевным и телесным, заповедуют соблюдать при всех вообще явлениях благоразумную холодность, спасительную осторожность» [1, с. 18]. Такие «чудеса» не вызывает умиления, с ними не посылается благодать. Их ищут от греховного «плотского мудрования». А соприкоснувшись с чудом божественным, человек пере-

живает состояние обожения. Здесь необходима душевная работа самого человека, чистота души и благоговение перед чудесным. Вспомним, что Моисей, когда увидел Неопалимую купину, «...закрыв лицо свое, потому что боялся воззреть на Бога» (Исх 3: 6). Он подчинился и велению Бога: «Не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх 3: 5). Моисей снял башмаки, чтобы не осквернить святое место, – настолько он трепетал, преклонялся перед божественным явлением.

Ничего этого – ни света, ни чистоты, ни возвышенности, ни любви Христовой – герой Шишкова не испытал. Наоборот, он ощутил страстное желание иметь, владеть, подчинять – и ревность, совсем уже нестерпимую тоску от того, что не имеет, не владеет и подчинить не может.

Господь промыслительно подаёт ему знак. Когда он ушел в тайгу, его искали односельчане, но найти не смогли. А сын пошел в лес «с ружьишком уток пострелять» случайно – как будто случайно! – наткнулся на отца: его шалаш был так спрятан в густых кустах, что мужики и не заметили. Сын обрадовался, бросился к отцу, стал звать домой: «“Тятенька, – кричу, – Тятенька!” Подбежал, повис у него на шее, да ну реветь в голос» [3, с. 354].

Терентий вернулся, много работал, помог семье и вроде бы освободился от наваждения. Но поздней осенью, «...когда деревья начали призадумываться и на деревьях красный лист обозначился, опять тоска к отцу подкатилась» [Там же, с. 355], – вспоминает Изот. Необходимую в подобных ситуациях мудрость и рассудительность Терентий не проявил – вновь ушел в тайгу, уверенный, что найдет колдовской цветок, потому что, как сам считал, искать будет уже по-другому.

Трагична, но судьбоносна и своевременна и смерть Терентия. Его задрал медведь. «Раскидали хворост, а там Терентий вниз лицом лежит, а в горстке у него цветок желтенький зажат быдто» [Там же, с. 356]. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-* в данном случае снижает образ колдовского цветка, выражает недоверие рассказчика к такому «чуду». Если и нашел Терентий колдовской цветок, то почему же цветок не спас его от смерти? И что было бы, если б Терентий не погиб? Что бы он, получивший необыкновенные возможности и одержимый гордыней, сотворил? И как бы пострадали от этого люди? По сути, здесь Шишков обращается к проблеме, которая стала особенно злободневной в отечественной прозе и поэзии второй половины двадцатого века – в произведениях Василия Белова, Виктора Астафьева, Чингиза Айтматова, Николая Рубцова, Юрия Кузнецова, Николая Тряпкина и других художников слова.

Показательно, что никто не разделил с Терентием его мечтаний и настроения. Желтенький цветок никого не заинтересовал, никто и не стал проверять его на возможную колдовскую силу. Никому не понадобилось

такое «чудо». И это вовсе не показатель недалекости односельчан. Наоборот, это показатель их здравого смысла. По отношению к непонятному явлению они поступают так, как требует православное мировоззрение: не хули, но и не принимай. Задаётся вопросом, но не намеревается продолжить поиски Терентия и его сын: «Вот я и мекаю: однако он, родитель-то мой, покойна головушка, медведя цветком-то покорить хотел да в поднебесье лететь на нем, навроде сивки-бурки ... А?» [Там же].

Символично название рассказа. Известно много произведений, в название которых вынесена лексема «цветок» или однокоренные с ней: «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова, «Каменный цветок» П. Бажова, «Неизвестный цветок», «Цветок на земле» А. Платонова, «Цветик-семицветик» В. Катаева и другие. Здесь же – «Колдовской цветок». Не волшебный, а колдовской, то есть порождение колдовства, ворожбы, оккультизма, тех действий, которые связаны с нечистой силой.

В рассказе повествуется и об иных иррациональных явлениях. Ночью возле зимовья послышались шаги и голоса, а потом произошло невероятное: «И вдруг тут, среди нас, застонало, завывло, загайкало, дверь рванули – гайгага-а-а!.. дверь настезь: – Свят! Свят!.. Ворвалось, ввалилось что-то безликое, все в белом, крутануло, плюнуло, разметало костер, холодом глаза залепило, заухало... Дед трясущимися руками черкнул спичкой, лучину зажгёт. Весь пол, нары и мы сами были запорошены снегом, а дверь – плотно закрыта» [Там же, с. 357]. Случилось то, что в современной нам жизни называется полтергейстом. Причину этого явления Изот объясняет внешне в православном контексте, на деле же – по-язычески: «Вот они, нечистики... Это оттого, что я маху дал, забыл дверь окстить» [Там же, с. 357–358]. То есть формально не справил обряд, а теперь справил: «торжественно», как несколько шутивно характеризует действия старика рассказчик, закрестил «...дымовую продушину, потом стал крестить дверь, шепча какие-то тайные слова и сплевывая через левое плечо» [Там же, с. 358]. Душой же, искренне, с покаянием и смирением, за помощью к Богу дедушка Изот не обращается. Отчасти он тоже одержим; как и многими жителями тайги, им тоже овладевает скука: «А и промеж нас иным часом бывает... Ну, быдто сумленье в голову вступит, куда-то поманит человека, душа вроде как скулить начнет» [Там же, с. 350]. Он уверен в метафизическом происхождении случившегося, ему хочется чуда, и случившееся он во что бы то ни стало пытается объяснить только иррационально: «“Ну где тебе ураган? А?” – подступал ко мне дед. “А видишь, как запорошило тропу!” – “Тропу-у-у?! Толкуй слепой с подлекарем... Вот те и тропу... Тащи дрова-то... Умник!”» [Там же, с. 357–358]. Его православное мировоззрение похоже на языческое, идолопоклонническое. Здесь опять уместно привести размышления Игнатия Брянчанинова: «Если человек после увиденного чуда пришел к покаянию и уверовал в Бога, то

чудо – истинное. Если же человек после чуда начал превозноситься, то это было прельщение» [2]. Обладая младенчески чистой душой, Изот только нащупывает путь к Богу, к истинной вере, ему, пребывающему в одиночестве, необходим собеседник, духовный наставник.

Спрашивается, а как же настоящее чудо? Божественное? Есть ли оно в произведении?

Есть. И его чувствует и понимает рассказчик: «Да и тайга зимой красоты небывалой. Вся опушенная белым снегом, густая и непролазная, она кажется какой-то замороженной сказкой, каким-то волшебным полусном» [3, с. 348–349]. Изобразительно-выразительные средства, которые использует автор в описании природы, несут особую смысловую нагрузку. Сон, полусон, сказка – это рефрены, проходящие через все творчество В. Я. Шишкова. Вдохновляющую, сказочную, завораживающую, волшебную – не колдовскую! – красоту тайги надо уметь видеть. К такой «небывалой», то есть неземной, красоте человек может приобщиться лишь когда ощутит Бога в душе. И именно эту красоту, приоткрытую Господом, и воспринимает автор, она и есть результат соработничества Бога и человека, она и есть настоящее чудо. Ведь в истинно православном смысле чудо – это момент, «...когда восстанавливается гармония, нарушаемая человеческим грехом» [2].

Произошедшее же в избе рассказчик принимает настороженно – с рассуждением и благоразумием. А кошмары, которые донимали его весь остаток ночи и о которых он повествует с некоторой самоиронией, в данной ситуации вполне естественны, логически оправданы и ожидаемы. Шишков и здесь верен правде жизни. Что же ещё приснится человеку после увиденного и услышанного? Только такое: «Всю ночь мучили меня страшные сны: то я филином летал над тайгой, то боролся с медведем, то нырял на дно реки за колдовском цветком» [3, с. 358]. Подобные сновидения вовсе не символ и не художественный прием. Они – следствие пережитого, результат психических процессов, их объяснить может любой психоаналитик.

В мировоззренческом и отчасти стилевом отношении рассказ «Колдовской цветок» – это своеобразный пролог к более поздним и более крупным произведениям Вячеслава Яковлевича Шишкова. Его герои не раз ещё встретятся с чудесными, именно божественными, промыслительными явлениями.

Список литературы

1. Игнатий Брянчанинов, святитель. Полное собрание творений и писем : в 8 т. Т. 2. Москва : Паломникъ, 2014. 704 с. [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/books/original/23586/Svt_Ignatij_Bryanchaninov_-_2_tom_-_2014.pdf (дата обращения: 12.03.2024).

2. Чудо [Электронный ресурс] // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/chudo> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Шишков В.Я. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1960. 567 с.

THE SPIRITUAL ASPECT IN V. YA. SHISHKOV'S STORY "THE WITCHING FLOWER"

I. L. Efremova

Tver State University, Tver

The article is devoted to spiritual problems in V. Ya. Shishkov's short story "The Witching Flower". The miraculous phenomena that have become the main theme of the work are considered in line with the Orthodox worldview possessed by the author. The inner state of the protagonist, striving to master the supernatural, is interpreted not as a manifestation of moral ascent, but as a consequence of pride and self-deception, while the unusual flower itself is a false miracle that does not give grace.

Keywords: Vyacheslav Yakovlevich Shishkov, story, Orthodox worldview, miracle, deification, seduction.

Об авторе:

ЕФРЕМОВА Ирина Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Efremova.IL@tversu.ru.

About the author:

EFREMOVA Irina Lvovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Efremova.IL@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2024 г.

Дата подписания в печать: 01.03.2024 г.